

Мастерская

В последнюю декаду мая Евгений Евтушенко провел в Москве несколько встреч с читателями, на которых он представлял свой новый роман «Не умирай прежде смерти». Встречи проходили в ЦДЛ, в крупнейших книжных магазинах Москвы. «Женя, - говорили ему знакомые, - не пытайся повторить свою молодость. Ты окажешься перед пустым залом. Никто сейчас поэзией не интересуется и современной русской литературой тоже». Но во всяком случае если в ЦДЛ народу, говорят, было не густо, то в магазине «Столица» в предгрозово-духоте майского вечера люди стояли, как в метро в час «пик». Стояли долго: сначала Евгений Александрович рассказывал о своем новом романе, потом читал стихи - старые и новые (публика просила старые), потом часа три подписывал книги. Я тоже купила книгу и хотела договориться о беседе с ним на завтра, после того, как прочту... Но Евгений Евтушенко завтра беседовать уже не мог - собирался в дорогу. Через несколько дней он уезжал с чемоданом книг (вез свой роман) в Сибирь на станцию Зима. Магазин должен был закрываться, и мы до ночи сидели в машине. В основном он говорил о своем новом произведении и о себе.

О воспитании тонкости

Когда я устраиваю такие встречи, то чувствую себя ледоколом, которому приходится пробивать айсберги сексуальщины и полицейщины, что заполонили залы книжных магазинов и загоняют русскую литературу в чулан. Мы не можем себе этого позволить, и потому необходимо сейчас создавать организацию, которая бы способствовала встречам писателей и читателей - это русская традиция. Даже мой давнишний оппонент Бродский, с которым я часто полемицирую, организовал очень русскую, даже немножко агитпроповскую акцию: в американском метро развешивают стихи поэтов всего мира. Я видел плачущих негритянок, читающих стих Пабло Неруды, а в некоторых гостиницах рядом с Библией у постели кладут маленькие антологии стихов. Потому что воспитание поэзией - это воспитание тонкости.

Об издании романа

Мой роман по-русски был напечатан в прошлом году в Соединенных Штатах в эмигрантском издательстве «Либерти». Первое издание продано, уже выходит второе. Сейчас роман переведен на многие языки. В октябре состоится его премьера на Франкфуртской ярмарке. Я буду выступать в Германии, в Австрии, затем во всех скандинавских странах, где он выходит, потом состоится его премьера в Австралии, а в будущем году - в Канаде. Короче говоря, он начинает свое шествие по миру и выходит в двенадцати странах. Когда я приехал сюда - его долго не выпускали, хотя я отдал рукопись в прошлом году. А в издательстве «Либерти» от рукописи до книжки прошло менее двух недель. Это рекорд даже для Америки.

Но для меня прежде всего важно то, как этот роман будут читать в России. Огромную власть над литературой сегодня имеют оптовики, так же, как над кино владельцы кинотеатров. Им нужна немедленная выгода. Поэтому они берут то, что сами могут читать. Сейчас все пространство России рассечено как бы на удельные княжества. Этот роман можно купить только в Москве, в Ленинграде его не купишь, потому что доставка стоит очень дорого. Я сейчас еду в Сибирь, и положение у меня отчаянное - у издательства нет денег, чтобы отправить туда книги, а матричное воспроизведение в разных типографиях еще не налажено. Я везу в Сибирь столько книг, сколько смогу увезти в чемодане.

Как возник замысел романа

Я начал писать книгу о футболистах великого поколения Боброва и Хомича, но потом эта повесть на неко-

шенковеда № 1». Его плащом закрывали амбразуру в танке... Получилась исповедь и политическая, и личная, исповедь поколения... Исповедь разбитых и несостоявшихся надежд. А ведь полностью состоявшихся надежд на свете не бывает...

О романе

Мой роман - редкий случай написания истории внутри потока истории. Поэтому я знаю, что врагам Ельцина его образ покажется «розовым». В другой раз меня чуть ли не обвинили в подхалимстве, на что я просто никогда не способен. А другим людям, которые лизоблюдничают при любой власти, его образ показался чуть ли не оскорбительным. Но я писал Ельцина, пытаясь в нем разобраться как в исторической фигуре, не ставя задачи его воспевать или критиковать, точно так же, как и Горбачева, и Ше-

их. Мне кажется, что ключ к психологии людей мы всегда можем найти в их детстве.

Почему я назвал роман «Русская сказка»?

Естественно, в нем многое основано на реальном знании. Но там много и гипотез, догадок. Ну как я мог знать, что думал Горбачев в Форосе? Что думал Ельцин, когда получил указание Политбюро взорвать дом Ипатьева, - не могу точно знать, но как художник имею право догадаться об этом. Может быть, я иногда правильно угадывал, может быть, что-то усложнял, что-то идеализировал, что-то не так понимал, чего-то недооценивал. Но это была попытка понять, и попытка очень интересная прежде всего для меня самого. В общем - это редкий роман, когда исторические персонажи еще живы, а я пыта-

переврет! И мне кажется, что путч, так как я его описал, никем не был описан. Это был совсем другой путч, чем в официальных воспоминаниях, хотя я их все и изучал. Например, когда я вошел в «Белый дом», то увидел огромные пустые коридоры и красный воздушный шарик, с которым по этому коридору бежит мальчик и ловит его. В рассказе о Шеварднадзе есть замечательный эпизод, когда тот приезжает к себе на родину и хочет попить в собственном дворе из родника своего детства. Но начальник охраны его отталкивает и не дает ему пить из родника: не положено. И это тоже на самом деле было. У меня в сознании настолько перепуталось, где документализм переходит в сюжет и где наоборот, - что я уже сам начинаю запутываться. Все переплелось и слилось воедино. Поэтому роман и представляется мне уникальным. А то, что о нем так яростно спорят, что у него есть сторонники и противники, - нормально. Да я и хотел, чтобы его читали люди совершенно разные. И меня совершенно не беспокоит то, что у романа есть враги, - так оно и должно было быть...

О себе

Я только что приехал из Америки, где несколько лет преподавал в университете. Почему в Америке? Да потому что меня не приглашали преподавать ни в Московский, ни в какой другой российский университет. Но мне нравится преподавать и в Америке. У меня там много друзей.

Я всегда любил ездить. Не забывайте, ведь это наше поколение разламывало еще юношескими руками железный занавес. Мы обдирали руки в кровь о ржавое железо этого занавеса. Я почетный гражданин нескольких американских городов. Двадцать три года работал над антологией русской поэзии на английском языке. Вместе со мной - 60 переводчиков. Она уже напечатана за рубежом и стала учебником русской поэзии. Считаю, что сделал большое дело, горжусь этим. Может быть, это лучшее, что я сделал в жизни. Сейчас антология выходит в издательстве «Полифакс» в русском варианте. В ней представлено уже не 250, а 860 поэтов.

Мне всегда нравилось выступать не только в России. Люблю ездить, выступать, находить друзей, знакомиться, узнавать разные страны. Я «самочушкой» выучил три языка. У меня есть пять сыновей, но у меня и пять крестных дочек в Америке. Был в девятью трех странах, но узнавал земной шар не за счет незнания своей собственной страны. Не было ни одной республики, в которой бы не выступал, «излазил» семь сибирских рек. Я вообще путешественник, бродяга, мне нравится ездить, встречаться с разными людьми, дружить, любить, читать книжки. Я россиянин, но и сын человечества, а не только сын России.

P.S. Мне было очень жаль, что этот разговор произошел до того, как я прочла роман «Не умирай прежде смерти». Возникло много вопросов. Один из них, например, такой: почему автор (а вслед за ним и критики, и читатели) называет свой роман исповедью? Ведь исповедь предполагает раскаяние... Здесь же Евгений Александрович, описывая свою непростую жизнь и неоднозначные ситуации с присущим ему талантом и жизненным опытом, словно стремится пережить их вновь. Я даже представляю себе старенького батюшку, который во время этой «исповеди» говорит: «Остановись, чадо. Называй грех».

Записала
Татьяна СЕМАШКО.

Рос. вестн. - 1994 - 4 январь - с. 6
Евгений ЕВТУШЕНКО:

«Я чувствую себя ледоколом...»

Фото Анатолия Хрупова.

торое время отложились. И вдруг, когда в ту ночь с 19 по 20 августа я увидел на баррикадах некоторых наших футболистов старого поколения, у меня воскресла идея романа, и я решил, что должен довести своих героев и самого себя до этого дня. Это самый исповедальный мой роман. Я никогда не рассказывал столько о своей личной жизни (в главе «Ночь перед путчем»), о всех моих женах, о том, как я их любил, и о том, что случилось между нами.

Почему я решил об этом говорить

Потому что был страшный день. Все мы рисковали своей жизнью. Ну когда же исповедоваться, как не перед боем, когда ты можешь погибнуть!.. Когда я ехал к «Белому дому», то думал и о том, что у меня пятеро детей, и о том, что у меня очень много творческих замыслов... Я боялся, что дети мои потеряют отца, что я не напишу того, что должен написать... Но я поехал, так как понял, что никогда себе не прощу, если не буду в этот день у «Белого дома». Исповедь произошла внутри меня самого в тот момент, когда я ехал туда от Перedelкина вместе с Юрой Нехорошевым, который описан в главе «Плащ еву-

варднадзе. Я пытался их понять, но пытался также понять и самого себя. Если там есть какие-то некомплементарные вещи по отношению к этим людям, то ведь массу некомплементарного я написал и по поводу себя самого. Считаю, что тот момент, когда Ельцин поднялся на танк и полусутиливо сказал: «Ребята, надеюсь, что вы не будете стрелять в своего Президента», - был великий момент. Но по человечески он попал в очень тяжелую ситуацию.

Думается, что то, что произошло в Беловежской пуще, было, как говорил Талейран, «хуже, чем преступление - это была ошибка». Мы не предусмотрели те последствия, к которым привел развал колоссальной вавилонской башни, когда под ее развалинами стали гибнуть люди, в том числе и дети. Я имею в виду и Азербайджан, и Армению, и Грузию, и Абхазию, где у меня только что сожгли дом, единственную мою частную собственность. Назревают конфликты с Украиной, которые раньше казались невыносимыми. Вся страна - лагерь для беженцев. Можно ли все предусмотреть в истории - я не знаю... Уверен, что это не злоумышленно, но была трагическая ошибка. Я обращался к их детству - Шеварднадзе, Ельцину, Горбачеву, потому что хотел понять

их. Мне кажется, что ключ к психологии людей мы всегда можем найти в их детстве.

Об искренности

Говорят, что все люди если не врут, то во всяком случае или что-то придумывают в своих дневниках, или умалчивают о чем-то. Не знаю. Я уже сказал, что старался исповедоваться, словно идущий на смертный бой. Но не мне об этом судить. Читатели пусть догадываются, исповедовался ли я полностью или частично, да и вообще возможна ли абсолютно полная исповедь в романе. Но я знаю одно: никто, кроме меня, всего этого бы не написал. Я видел, как в метро едут беременные женщины. Они, немного сжав пальцы, держат руки впереди себя. Они защищают свое дитя, которое еще в них.

Нечто подобное происходило со мной, когда я писал этот роман. Я вдруг стал бояться летать на самолетах, боялся разбиться и не написать его. Я думал: кто-то это все равно напишет, но переврет ведь! И всю мою личную жизнь